

■ ВЫСТАВКА

“я решил, что это рабочая экспозиция”

художник Павел Никонов — Газете

Фотограф: Франк Вильягра/Газета

В залах Третьяковской галереи на Крымском Валу открылась выставка Павла Федоровича Никонова — одного из основоположников «сурового стиля»; в 1962-м — автора знаменитых «Геологов», экспонировавшихся тогда на разгромленной Никитой Хрущевым выставке к 30-летию Московского союза художников; впоследствии — народного художника России и действительного члена Российской академии художеств. На фоне экспозиции своих недавних холстов и акварелей Павел Никонов ответил на вопросы корреспондента Газеты Сергея Сафонова.

Ваши ровесники, шестидесятники, уже удостоившиеся выставок в Третьяковке, устраивали свои персональные экспозиции как ретроспективы. Вы тоже могли начать, допустим, с «Геологов», а завершить недавними вещами, написанными в деревне Алексин в Тверской области. Однако на выставке только самые недавние работы. Почему так получилось?

Предложение сделать выставку, которое возникло год назад, застало меня врасплох. Я стал судорожно готовиться, что-то пересматривать. Не было никакого желания показывать ретроспективу, я решил, что это будет такая рабочая экспозиция. Последние вещи нигде не показывались: в Московском союзе художников давно не было общих выставок. Работы накопились, и хотелось представить то, что сделано

в последние годы. Это совпало, кстати, и с позицией Третьяковской галереи: они тоже решили устроить камерный обычный показ. Здесь то, что сделано за последние четыре-пять лет. В основном вещи деревенские — я езжу в одно и то же место вот уже тридцать лет.

Скажите, на ваш взгляд, термин «левый МОСХ», с которым связывают все эти имена, имеет ли сегодня право на существование — хотя бы для того, чтобы описать определенный исторический период московского искусства?

Думаю, да. В период 1950-х — начала 1960-х годов внутри МОСХа (Московского отделения союза художников РСФСР. — Газета) сформировалась такая группа художников, которая ждала перемен — новых выставок, свободного обмена мнениями. Это возникло как преддв

ение оттепели, назревало не только в изобразительном искусстве, но и, например, в литературе и сыграло очень важную и положительную роль в подготовке того, что потом можно было назвать прорывом.

Можно ли определить жесткие временные рамки существования «левого МОСХа» и список причастных к нему художников?

Такого исследования не было, но я думаю, что все формировалось вокруг авторов старшего поколения — таких, например, как Виктор Эльконин.

А Александр Лабас или Александр Осмеркин?

Нет, это люди, которые создали свое искусство. В 1960-е годы они тоже работали, но в общественном плане уже как бы высказались и потому занимали довольно пассивную позицию.

Но была группа художников, которые стремились утвердить себя. Помимо Эльконина это Андрей Васнецов, художники круга Владимира Фаворского. А мы, группа «Девять», тогда только что вошли в союз. «Левый МОСХ» — это было очень массовое явление.

Современные арт-критики готовы достаточно тепло писать даже об официальном искусстве социалистического реализма, но понятие «левый МОСХ» у многих вызывает максимальное раздражение. Почему это деликатное и менее плакатно-агитационное, чем соцреализм, искусство провоцирует столь неприязненное к себе отношение?

Я удивляюсь иногда резкому тону в адрес «левого МОСХа» — много выдумок, много легенд. Объясняю их тем, что пишут в основном люди молодые, которые этот период не застали и физически его не ощутили. Еще одна причина: соцреализм был законченным в стилевом выражении направлением в искусстве, очень четко отражал общую идеологию. А «левый МОСХ» был немножечко размыт, аморфен, часто даже не совсем аргументирован с профессиональной точки зрения. Мы обращались к опыту художников «Бубнового вала», Фалька, к тому, что уже было выражено, поэтому элементы эклектики присутствовали в этом движении. Может быть, оттого оно кажется молодым искусствоведам не совсем чистым и ясным. Сейчас вообще тенденция такая, что качество живописи не важно, это как раз ложится на концепцию современного видения изобразительного искусства.

Вы преподаете в Суриковском институте. Насколько молодым художникам сегодня психологически трудно вступить на путь станкового искусства?

Сегодня молодым гораздо сложнее, чем раньше: между институтом и тем, что их потом ожидает, — пропасть. Они как бы выбрасываются на улицу, на сквоньяк, судорожно пытаются искать свою нишу, но перед ними рынок и галереи, где нужно как-то пристраиваться, ломать себя.

Есть ли среди представителей современного искусства авторы, которые у вас учились

и о которых вы жалеете как о не пошедших по пути искусства традиционного?

Есть. Сергей Шеховцов, работающий сейчас с поролоном. Он довольно известен. Невероятно способный был живописец, ученик Коли Андропова. Но есть ребята, которые продолжают работать и по окончании института. Приходится их опекать — включать в состав творческого союза, помогать с мастерскими. К сожалению, ни академия ни сам союз этим не занимаются, а ведь в свое время была хорошая программа поддержки молодежного искусства.

Что важнее — увидеть свою выставку самому, показать работы знакомым, добиться успеха у публики?

Увидеть самому, в первую и во вторую очередь. Может быть, в третью...

Газета

его будни

Павел Никонов родился 30 мая 1930 года. С 1949 по 1957 год учился в МГХИ имени В.И. Сурикова, в год окончания института вступил в Московский союз художников. В 1959-м — первая творческая поездка в Сибирь, на Братскую ГЭС. Через год Никонов написал картину «Наши будни», ставшую одним из манифестов «сурового стиля» времен хрущевской оттепели. В 1962-м только что написанной картиной «Геологи» участвовал в знаменитой выставке в Манеже, разгромленной Никитой Хрущевым. С того же года начал участвовать в экспозициях группы «Девять» и других многочисленных выставках. В 1994 году его работы вошли в экспозицию «Шестидесятники в девяностые» в Третьяковской галерее. Народный художник РФ и действительный член Российской академии художеств, с 1998 года Никонов руководит мастерской станковой живописи в Суриковском институте. Его произведения хранятся в собраниях ГТГ, Русского музея и во множестве других коллекций в России и за рубежом.